

АРХЕОЛОГИЯ

Происхождение *Homo bellicosus* (вооруженное насилие и война в каменном веке)*Л. Б. Вишняцкий*

Для цитирования: Вишняцкий Л. Б. Происхождение *Homo bellicosus* (вооруженное насилие и война в каменном веке) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 845–866. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.310>

Цель статьи — дать обзор и анализ основных археологических и палеоантропологических свидетельств вооруженных конфликтов в период от появления первых каменных орудий (ранний палеолит, около 3 млн лет назад) до появления металлов (ранний энеолит, около 5 тыс. лет назад) и на этой основе попытаться оценить масштабы насилия и показать динамику явления на хронологической шкале. В отечественной научной литературе, в отличие от западной, этой теме до сих пор уделялось крайне мало внимания, хотя материалов, проливающих свет на связанные с агрессией и вооруженным насилием стороны жизни древнейших обществ, накоплено довольно много и становится с каждым годом все больше. В работе представлены обзор и анализ таких материалов для территории Старого Света. Особое внимание уделено находкам на памятниках палеолита, мезолита и неолита человеческих скелетных остатков с признаками боевого травматизма, и прежде всего костей с застрявшими в них фрагментами каменных и костяных наконечников. Предпринята попытка выявить основные переломные моменты в исторической динамике вооруженного насилия на протяжении рассматриваемого периода времени. Сделан вывод, что его роль существенно возростала, как минимум

Леонид Борисович Вишняцкий — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Институт истории материальной культуры Российской Академии наук; Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18; lvishn@yandex.ru

Leonid B. Vishnyatsky — Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 18, Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; lvishn@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-19-50131 «Происхождение *Homo bellicosus* (вооруженное насилие и война в каменном веке)».

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project number 20-19-50131 “The origin of *Homo bellicosus* (armed violence and warfare in the Stone Age)”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

дважды: сначала на рубеже палеолита и мезолита, а затем в позднем неолите и раннем энеолите, то есть на рубеже каменного века и эпохи раннего металла. Именно в это время *Homo bellicosus* (человек воинственный) впервые выходит на историческую арену не как случайное и второстепенное действующее лицо, а в одной из главных ролей. Изменения и новшества, наблюдаемые начиная с финальных стадий неолита в самых разных сферах деятельности людей и связанные с материальным и идеологическим обслуживанием вооруженного насилия и войны, позволяют говорить о процессе милитаризации всех основных сфер культуры. Это процесс, как можно полагать, стал одной из важнейших предпосылок институционализации власти и формирования первых государственных образований.

Ключевые слова: каменный век, Старый Свет, вооруженное насилие, война.

The Origins of *Homo Bellicosus* (Armed Violence and Warfare in the Stone Age)

L. B. Vishnyatsky

For citation: Vishnyatsky L. B. The Origins of *Homo Bellicosus* (Armed Violence and Warfare in the Stone Age). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 3, pp. 845–866. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.310> (In Russian)

The purpose of the present paper is to provide a review and analysis of the main archaeological and paleoanthropological markers of armed violence in the period from the emergence of the first stone tools (Lower Paleolithic, ca. 3 mya) to the appearance of metalworking (Eneolithic, ca. 5 kya). This evidence is then used as a basis for assessing the dynamics of armed violence on the chronological scale. Until now this subject has received little attention in the Russian scholarship (in contrast to the Western one). Empirically, the paper is focused on the materials from three Old World continents: Africa, Europe and Asia. Particular attention is given to the Paleolithic, Mesolithic and Neolithic human skeletal remains bearing the marks of traumas inflicted by weapons, including bones with embedded projectiles. The available evidence makes it possible to try to ascertain the main shifts in the historical dynamics of armed violence during the Stone Age. Its role appears to have substantially increased at least twice: first, at the turn of the Paleolithic and Mesolithic and, second, in the Late Neolithic / Early Eneolithic, that is at the turn of the Stone Age and Early Metal Period. It was exactly during this period that *Homo bellicosus* for the first time enters the arena of history not as an occasional and secondary actor, but as the main cast. Material and ideological changes and novelties serving to and associated with armed violence and warfare, that can be observed from the end of the Neolithic, are clearly indicative of the process of militarization of culture.

Keywords: Stone Age, Old World, armed violence, warfare.

Введение

«Война в той или иной форме появилась вместе с первым человеком», — заявил в 2009 г. тогдашний президент США Барак Обама, выступая в Стокгольме с речью по случаю присуждения ему Нобелевской премии мира. Оговорка «в той или иной форме» здесь очень важна, поскольку ответ на вопрос о том, когда же на самом деле люди начали воевать друг с другом, зависит не только и даже, возможно, не столько от полноты имеющихся на этот счет научных (в том числе археологических) данных, сколько от того, что подразумевается под войной. Общепринятого определения этого понятия нет. Война — одна из форм вооруженного насилия, ко-

торое очень многообразно: оно может быть односторонним (казнь, жертвоприношение, террористический акт) и взаимным (дуэль, битва); индивидуальным и коллективным; законным, то есть санкционированным обществом, и незаконным, не санкционированным обществом; организованным и спланированным или спонтанным. Наконец, оно может иметь либо внутреннюю, либо внешнюю направленность — вовлеченные в него стороны могут принадлежать к одному сообществу или к разным.

Сведя воедино перечисленные выше критерии, можно попробовать определить войну как организованное коллективное вооруженное насилие членов разных сообществ друг против друга, санкционированное этими сообществами. Однако и в этом случае трудности остаются, поскольку далеко не всегда понятно, что, собственно, является сообществом и как определить, являлось ли насилие внутри- или межгрупповым. Видимо, какое бы определение мы ни приняли, все равно во многих конкретных случаях, даже имея подробную информацию об интересующих нас событиях, будет очень трудно или невозможно решить, считать их войной или нет. Тем более сложно вынести вердикт такого рода, когда оценивать приходится акты насилия, произошедшие в далеком прошлом и реконструируемые нами по археологическим данным.

Если говорить о каменном веке, то лишь в исключительных случаях ископаемые материалы позволяют более или менее уверенно констатировать, что исследованный эпизод вооруженного насилия отвечает критериям, позволяющим определить его как войну. Вероятно, это явилось одной из причин того, что война долгое время оставалась на периферии исследовательского интереса специалистов по археологии палеолита, мезолита и неолита. Тем не менее корпус археологических материалов, проливающих свет на связанные с агрессией и вооруженным насилием стороны жизни древних обществ, неуклонно увеличивался, а в последние десятилетия рост его заметно ускорился, так что обобщение и осмысление таких материалов становится настоящей задачей, решение которой имеет как чисто научное, так и общемировоззренческое значение. Начиная с 1990-х гг. в западной археологической литературе стало появляться все больше работ, в том числе монографий и сборников, посвященных теме войны в преистории, то есть в дописьменную эпоху¹.

К сожалению, в отечественной научной литературе рассматриваемой здесь теме до сих пор почти не уделялось внимания. Попытки ее специального рассмотрения у нас предпринимались крайне редко. При этом блестящий и для своего времени практически исчерпывающий обзор В. А. Шнирельмана² за четверть века во многом неизбежно устарел, почти столь же давняя публикация М. В. Аниковича и В. И. Тимофеева имела тезисный характер³, а полезный обзор А. В. Табарева был

¹ Например: *Keeley L. War before civilization*. New York; Oxford, 1996; *Guilaine J., Zammit J. Le sentier de la guerre. Visages de la violence préhistorique*. Paris, 2001; *LeBlanc S. A. Constant battles. The myth of the peaceful, noble savage*. New York, 2003; *Sticks, stones and broken bones: Neolithic violence in a European perspective* / eds R.J. Schulting, L. Fibiger. Oxford, 2012.

² *Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества*. Т. 1: У истоков войны и мира. М., 1994.

³ *Аникович М. В., Тимофеев В. И. Вооружение и вооруженные конфликты в каменном веке // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. СПб., 1998. С. 16–20.

ограничен жесткими хронологическими и территориальными рамками⁴. Что касается предыдущих статей автора настоящей работы, то они посвящены, главным образом, частным аспектам проблемы и основаны на анализе лишь одного вида находок, имеющих отношение к рассматриваемой теме, а именно — наконечников, застрявших в костях людей каменного века⁵. Цель статьи — дать обзор и анализ основных археологических и палеоантропологических свидетельств вооруженного насилия в период от появления первых каменных орудий (ранний палеолит) до появления металлов (ранний энеолит) и на этой основе попытаться оценить масштабы насилия и показать динамику явления на шкале времени.

Археологические и палеоантропологические свидетельства, рассматриваемые в данной работе, относятся к шести основным группам: 1) костные остатки людей с повреждениями и/или внедренными инородными телами, появившимися в результате воздействия оружием; 2) композиции с изображением военных действий в искусстве; 3) специализированные формы изделий с особой функцией — боевое и защитное вооружение; 4) зачатки фортификации (конструкции и земляные сооружения); 5) массовые захоронения погибших участников вооруженных конфликтов; 6) могилы воинов. Далее эти свидетельства рассматриваются в приведенном порядке. Для каждой их группы дается сводка находок с территорий Европы, Азии и Африки. Распределение этих находок во времени служит основой для обсуждения вопросов об исторической динамике и качественных трансформациях вооруженного насилия в каменном веке.

Скелетные остатки людей с повреждениями (следами боевых ранений), возникшими в результате воздействия оружием

На костных остатках людей каменного века очень часто — и чем древнее эти кости, тем чаще (в процентном отношении) — фиксируются разного рода повреждения: переломы, вмятины, трещины, отверстия и т. д. Значительная их часть имеет посмертное происхождение (естественное или искусственное), реже встречаются повреждения с признаками заживления, то есть регенерации костной ткани — они с уверенностью определяются как результат прижизненных ран и травм. Однако если рана или травма была получена непосредственно перед смертью (такие раны в специальной литературе называют перимортальными), то следы заживления могут отсутствовать, и в подобных случаях часто очень трудно понять, с прижизненным повреждением или посмертным мы имеем дело⁶. Слепое тестирование с участием двух опытных антропологов, которым была предложена для анализа кол-лекция современных человеческих костей с травмами известного (документально

⁴ *Табарев А. В.* «Темная сторона» неолитизации: свидетельства насилия в погребальных комплексах Сибири и Дальнего Востока // Бородавский А. П., Зубова А. В., Поздняков Д. В. и др. Археология насилия (интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразительных комплексов). Новосибирск, 2010. С. 7–25.

⁵ *Вишняцкий Л. Б.*: 1) Вооруженное насилие в палеолите // *Stratum Plus*. 2014. № 1. С. 311–332; 2) Война до истории // *Человек*. 2016. № 6. С. 59–74; 3) Наконечники в костях. База данных для позднего каменного века западной Евразии // *Записки ИИМК РАН*. 2018. № 19. С. 36–55.

⁶ *Walker P. L.* A bioarchaeological perspective on the history of violence // *Annual Review of Anthropology*. 2001. Vol. 30. P. 573–596; *Smith M.* Mortal wounds. The human skeleton as evidence for conflict in the past. Barnsley, 2017.

зафиксированного) происхождения, показало, что от 15 до 37% определений повреждений как прижизненных или посмертных оказались ошибочными⁷. Понятно, что для скелетных останков людей каменного века, имеющих, как правило, гораздо худшую сохранность, чем современные, этот процент может быть еще выше, что необходимо иметь в виду при оценке приводимых ниже данных.

На костных останках австралопитеков достоверных следов боевого травматизма пока не выявлено, хотя на их черепахах имеются вмятины и отверстия, которые Р. Дарт и его последователи рассматривали как возможные свидетельства насилия с применением орудий. На самом деле, как выяснилось впоследствии, эти повреждения были оставлены, по-видимому, зубами хищных животных и действием иных естественных причин. Перимортальные трещины на верхней правой конечности взрослой представительницы вида *Australopithecus sediba* и на нижней челюсти подростка 12–13 лет того же вида из Малапы в Южной Африке появились, скорее всего, в результате падения данных индивидов с большой высоты. Впрочем, в последнем случае насильственное происхождение травмы полностью не исключается⁸.

Спорным остается происхождение вмятин, отверстий и трещин на черепахах и костях посткраниального скелета, обнаруженных на целом ряде пещерных и открытых стоянок нижнего палеолита в Восточной Азии (Чжоукоудянь, Гунванлин, Хулу, Мапа), Европе (Чепрано, Сима де Лос Уэсос) и на Ближнем Востоке (Зуттиех)⁹. По крайней мере некоторые из них, вероятно, являются результатом насилия, но утверждать это со стопроцентной уверенностью ни в одном из перечисленных случаев невозможно.

Большинство повреждений, выявленных на человеческих костях, происходящих с памятников среднего палеолита, тоже не поддается однозначному истолкованию. В частности, вопрос о наличии признаков боевого травматизма на костных останках ранних *Homo sapiens* особенно сложен. Для неандертальцев данных заметно больше, а природа повреждений, по крайней мере в некоторых случаях, понятней. Так, описаны проникающие ранения грудной клетки (скелет Шанидар-3, Ирак)¹⁰ и головы (череп из Сен-Сезер, Франция)¹¹, которые появились, скорее всего, в результате удара копьем. В настоящее время их рассматривают в качестве древнейших достоверных свидетельств вооруженного насилия. Обе раны были, несомненно, тяжелыми, но не фатальными, поскольку имеются следы их частич-

⁷ Cappella A., Amadasi A., Castoldi E. The difficult task of assessing perimortem and postmortem fractures on the skeleton: A blind text on 210 fractures of known origin // Journal of Forensic Sciences. 2014. Vol. 59, no. 6. P. 1598–1601.

⁸ L'Abbé E. N., Symes S. A., Pokines J. T. et al. Evidence of fatal skeletal injuries on Malapa Hominins 1 and 2 // Scientific Reports. 2015. Vol. 5, no. 15120. P. 1–11.

⁹ Shang H., Trinkaus E. An ectocranial lesion on the Middle Pleistocene human cranium from Hulu Cave, Nanjing, China // American Journal of Physical Anthropology. 2008. Vol. 135, no. 4. P. 431–437; Wu X.-J., Schepartz L. A., Liu W., Trinkaus E. Antemortem trauma and survival in the late Middle Pleistocene human cranium from E. Maba, South China // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. Vol. 108, no. 49. P. 19558–19662; Sala N., Arsuaga J. L., Pantoja-Pérez A. et al. Lethal Interpersonal Violence in the Middle Pleistocene // PLoS ONE. 2015. Vol. 10 (5): e0126589. Tabl. S1.

¹⁰ Churchill S. E., Franciscus R. G., McKean-Peraza H. A. et al. Shanidar 3 Neandertal rib puncture wound and Paleolithic weaponry // Journal of Human Evolution. 2009. Vol. 57, no. 2. P. 175–176.

¹¹ Zollikofer C. P. E., Ponce De Leon M. S., Vandermeersch B., Lévêque F. Evidence for interpersonal violence in the St. Cesaire Neanderthal // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2002. Vol. 99, no. 9. P. 6444–6448.

ного заживания, говорящие о том, что пострадавшие прожили по крайней мере несколько месяцев после ранения. Много повреждений несут на себе неандертальские кости из пещеры Крапина в Хорватии. Убедительно идентифицируемые следы поражения оружием на них отсутствуют, но количество и локализация травм на лобных, теменных и затылочных костях соответствуют картине, установленной для групп охотников-собирателей, в которых межличностные конфликты и провоцируемое ими насилие являются наиболее распространенной причиной появления черепных травм¹². Следы смертоносных повреждений, нанесенных, скорее всего, намеренно и с применением оружия, идентифицированы недавно также на костях черепа (в одном случае лобной, в другом затылочной) двух взрослых неандертальцев (мужчины и женщины), скелеты которых были найдены в ходе раскопок в пещере Спи в Бельгии еще в середине позапрошлого века¹³.

Для верхнего палеолита количество достоверных свидетельств вооруженного насилия, обнаруженных на палеоантропологических останках, заметно превышает количество таковых в нижнем и среднем палеолите. Однако в подавляющем большинстве они относятся к самому финалу рассматриваемой эпохи, ко времени от 15 тыс. лет назад и позднее. В Западной и Центральной Европе явные свидетельства боевого травматизма, которые относились бы к ранней и средней поре верхнего палеолита, пока неизвестны¹⁴, как и в культурах, существовавших тогда же в Азии и Африке. К настоящему времени такие свидетельства зафиксированы лишь в Юго-Восточной и Восточной Европе.

Две вмятины с расходящимися от них трещинами идентифицированы на затылочной и правой теменной костях одного из черепов, найденных в пещере Чикловина в Румынии. На основании серии радиоуглеродных дат возраст этих черепов, залежавших вместе с костями пещерного медведя, оценивается приблизительно в 30 тыс. лет. Вмятины, о которых идет речь, ранее считались следствием естественных посмертных повреждений, но анализ с помощью новых методов привел к выводу, что это следы смертельных ран, нанесенных, по-видимому, оружием. Для раны на теменной кости указывается даже вид оружия — дубинка или что-то похожее¹⁵.

Следы смертельной травмы, нанесенной оружием, обнаружены также на первом грудном позвонке мужчины из известного погребения Сунгирь-1 под Владимиром, имеющего древность около 30 тыс. лет назад или несколько более того. В результате проникающего ранения грудной клетки в позвонке образовалась длинная (10 мм) узкая (ширина 1–2 мм) слепая пробоина глубиной до 6 мм, оставленная в костной ткани остроконечным тонким предметом, скорее всего копьем или но-

¹² *Estabrook W. H., Frayer D. W.* Trauma in the Krapina Neandertals: Violence in the Middle Paleolithic? // *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict*. London; New York, 2013. P. 85.

¹³ *Fernández-Jalvo Y., Andrews P.* Spy cave (Belgium) Neanderthals (36,000y BP). Taphonomy and peri-mortem traumas of Spy I and Spy II: Murder or accident // *Quaternary Science Reviews*. 2019. Vol. 217. P. 119–129.

¹⁴ *Brennan M. U.* Health and disease in the Middle and Upper Paleolithic of Southwestern France: A bioarcheological study. Unpublished Ph. D. dissertation. New York, 1991; *Henry-Gambier D.* Comportement de populations d'Europe au Gravettien: pratiques funéraires et interprétations // *Paleo*. 2008. T. 20. P. 170.

¹⁵ *Kranioti E. F., Grigorescu D., Harvati K.* State of the art forensic techniques reveal evidence of interpersonal violence ca. 30,000 years ago // *PLoS ONE*. 2019. Vol. 14 (7): e0216718.

жом¹⁶. Подросток, скелет которого обозначают как Сунгирь-2, мог, как полагают, погибнуть в результате фатального ранения колющим предметом в область таза с последующей значительной кровопотерей¹⁷.

В последние тысячелетия палеолита количество человеческих скелетных останков с признаками боевого травматизма заметно увеличивается. Для этого времени их известно больше, чем для всех предшествующих эпох, вместе взятых. На завершающих же стадиях каменного века — в мезолите и неолите — число костей со следами нанесенных оружием ран растет уже в геометрической прогрессии. Чтобы дать даже краткий обзор имеющихся для конца каменного века данных, потребовалось бы гораздо больше места, чем позволяет допустимый объем этой статьи, поэтому далее сосредоточимся лишь на одной, но зато самой показательной категории находок.

Наконечники в костях. Особую подгруппу находок среди людских костных останков со следами травматических повреждений составляют кости с внедренными в них инородными телами — каменными или костяными остриями или их обломками. Первые находки такого рода были описаны французскими, а затем российскими археологами еще в позапрошлом веке¹⁸. Хотя встречаются они очень редко, тем не менее к настоящему времени их накопилось достаточно для того, чтобы рассматривать их распределение на шкале времени как неслучайное. Сводки подобных палеолитических, мезолитических и неолитических материалов из Евразии и Африки были опубликованы мной ранее¹⁹. Эти данные суммированы в табл. 1, где учтено также несколько находок, не включенных в упомянутые сводки.

Самые древние скелетные останки людей с застрявшими в них фрагментами оружия происходят с памятников финального палеолита. Их немного, всего девять, но при этом они есть и в Европе (Сан Теодоро и Грот Детей в Италии, Монфор во Франции), и в Африке (Джебел Сахаба в Судане), и в Азии (Кебара в Израиле). Для мезолитического времени число имеющихся находок (18 плюс еще 4 с мезолитических памятников Скандинавии, которые хронологически соответствуют неолиту более южных регионов) двукратно превосходит число таких случаев для финального палеолита, а для неолита их в четыре с лишним раза больше, чем для мезолита (см. табл. 1). Особенно резкий скачок происходит в позднем неолите/энеолите, то есть на рубеже эпох камня и раннего металла.

Батальные сцены в древнем искусстве. Сюжетные изображения известны лишь с верхнего палеолита. В более ранние эпохи их либо не делали, либо же выполняли на недолговечных носителях (дерево, кора, песок и т. д.). Таким образом, этот вид источников уже по самой своей природе не позволяет заглянуть во времена, отстоящие от наших дальше, чем на 35–40 тыс. лет. Кроме того, характер и (или) состояние сохранности значительной части древнейших рисунков таковы, что точ-

¹⁶ Trinkaus E., Buzhilova A. P. The death and burial of Sungir 1 // International Journal of Osteoarchaeology. 2012. Vol. 22, no. 6. P. 655–666.

¹⁷ Buzhilova A. P. The environment and health condition of the Upper Palaeolithic Sunghir people of Russia // Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science. 2005. Vol. 24, no. 4. P. 413–418.

¹⁸ Передольский В. В. По реке Енисею и его притокам // Известия Императорского Русского географического общества. 1896. Т. 32. С. 210–214.

¹⁹ Вишняцкий Л. Б.: 1) Вооруженное насилие в палеолите. Табл. 1; 2) Наконечники в костях. Табл. 1.

Таблица 1. Количество человеческих костяков каменного века с застрявшими в них фрагментами оружия

Период	Европа	Африка к югу от Сахары	Северная Африка и Западная Азия	Восточная и Южная Азия	Итого
Палеолит, ранее 15 тыс. л. н.	0	0	0	0	0
Финальный палеолит, 15–12 тыс. л. н.	3	0	6	0	9
Мезолит, 12–9/8 тыс. л. н.	17	2	2	1	18
Мезолит + ранний неолит, 9/8–6 тыс. л. н.	11	0	1	3	4+15
Поздний неолит и энеолит, 6–4 тыс. л. н.	72	2	1	3	78
Всего	103	4	10	7	124

Примечание. Как минимум в трех случаях в костях одного человека было зафиксировано по два вонзившихся наконечника. Таблица показывает количество костяков (индивидов), а не отдельных костей. Составлено по: Вишняцкий Л. Б.: 1) Вооруженное насилие в палеолите. Табл. 1; 2) Наконечники в костях. Табл. 1.

но определить, что именно на них изображено, трудно или невозможно. Это относится, в частности, к большинству так называемых антропоморфных фигур и к объектам, которые могут быть с этими фигурами композиционно связаны.

Среди многих тысяч известных сегодня изображений эпох палеолита и мезолита нет ни одного, которое бы можно было с уверенностью связать с темой вооруженного насилия²⁰. Некоторые исследователи интерпретировали подобным образом отдельные рисунки из грота Коске, пещер Пеш Мерль, Куньяк, Су-Гран-Лак и ряда других памятников Западной Европы²¹, но во всех этих случаях возможны и иные, кажущиеся ничуть не менее правдоподобными истолкования²².

Древнейшими батальными сценами, известными сейчас в наскальном искусстве и вообще в искусстве каменного века, являются изображения сражающихся людей из Арнемленда на севере Австралии. Обнаруженные здесь рисунки противостоящих друг другу пар и целых групп воинов, пытающихся поразить неприятеля копьями и бумерангами, относятся к стилю динамичных фигур, для которого ранее постулировался возраст около 10 тыс. лет назад²³. Эта датировка, базировавшаяся первоначально на косвенных данных, должна, видимо, рассматриваться

²⁰ Подробней об этом см.: Вишняцкий Л. Б. Вооруженное насилие в палеолите. С. 318–320.

²¹ Clottes J., Courtin J. La Grotte Cosquer. Paris, 1994. P. 155; Leroi-Gourhan A. The art of prehistoric man: in Western Europe. London, 1968. P. 323–325.

²² Bahn P. G., Vertut J. Images of the Ice Age. New York, 1988. P. 152–153; Guthrie R. D. The nature of Paleolithic art. Chicago, 2005. P. 182–183, 422.

²³ Taçon P., Chippindale C. Australia's ancient warriors: changing depictions of fighting in the rock art of Arnhem Land, N. T. // Cambridge Archaeological Journal. 1994. Vol. 4, no. 2. P. 211–248.

как минимальная, о чем свидетельствуют полученные недавно радиоуглеродные определения возраста перекрывающих «динамичные фигуры» изображений, относящихся к стилю бегущих фигур. Древность последних составляет не менее 9,4 тыс. лет назад²⁴.

Близкий возраст долгое время предполагался для сцен битв (с десятками вооруженных луками участников) и казней, встречающихся в наскальном искусстве испанского Леванта. Эти сцены многие исследователи считали мезолитическими. Однако новые данные, прежде всего уточненная хронология изображений на основе датирования оксалатных корок, перекрывающих некоторые рисунки, однозначно позволяют отнести древнейшие батальные сцены в левантийском наскальном искусстве к неолиту²⁵. Тематически, стилистически и композиционно идентичные им наскальные рисунки из Сахары тоже датируют неолитом. Вероятно, большая их часть была создана в период от 8 до 5 тыс. лет назад²⁶. Не исключено, что сопоставимую древность могут иметь и какие-то из батальных сцен, известных в наскальном искусстве других регионов (от Скандинавии до Южной Африки), но достоверных данных на этот счет пока нет.

Боевое оружие и доспехи. В археологической литературе вещи, могущие служить в качестве орудий агрессии или защиты от нее, часто делят на три группы: 1) случайное оружие, то есть случайные предметы, попавшиеся под руку при возникновении конфликтной ситуации (ветки, палки, камни и т. д.); 2) неспециализированное оружие, то есть такое, которое могло служить как для войны, так и для охоты и выполнения иных бытовых функций (копья, стрелы, топоры, ножи и пр.); 3) специализированное оружие, предназначенное исключительно для нападения на людей или для защиты от них (мечи, щиты и др.)²⁷.

В табл. 2 и 3 суммированы сведения о времени появления и бытования основных видов неспециализированного и специализированного оружия. Для случайного оружия таких данных нет, но тот факт, что к его помощи иногда прибегают и обезьяны, и современные *Homo sapiens*, позволяет не сомневаться, что оно использовалось как до появления людей, так и на протяжении всей их истории. Видимо, чаще всего в этом качестве служили обычные камни. Они, как правило, имеются под рукой и при умелом обращении весьма эффективны, чему есть немало свидетельств в этнографической и исторической литературе. Камнями, в частности, мастерски пользовались гуанчи Канарских островов в схватках с португальцами в XV столетии. В конце XVIII в. самоанцы с помощью камней обратили в бегство моряков Лаперуза, причем французам, потерявшим 12 человек убитыми, не помог даже огнестрельное оружие (мушкеты)²⁸.

²⁴ Jones T., Levchenko V., King P.L. et al. Radiocarbon age constraints for a Pleistocene-Holocene transition rock art style: The Northern Running Figures of the East Alligator River region, western Arnhem Land, Australia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 11, no. 1. P. 80–89.

²⁵ López-Montalvo E. Violence et mort dans l'art rupestre du Levant : groupes humains et territoire // L'armement et l'image du guerrier dans les sociétés anciennes: de l'objet à la tombe. Dijon, 2011. P. 19.

²⁶ Risch R., Meller H. The representation of violence in the rock art of the Sahara and the Spanish Levant // European archaeology — identities & migrations. Hommages à Jean-Paul Demoule. Leiden, 2017. P. 371–385.

²⁷ Vencl S. Stone Age warfare // Ancient War. Phoenix Mill, 1999. P. 65.

²⁸ Isaak B. Throwing and human evolution // The African Archaeological Review. 1987. Vol. 5, no. 1. P. 5–8.

**Таблица 2. Древнейшие археологические образцы основных видов
неспециализированного и специализированного оружия**

Вид оружия	Датировка (лет назад) и/или эпоха	Памятник, регион	Сохранившийся элемент, материал
Меч ^a	5 тыс. Поздний энеолит	Арслантепе, Турция	Несколько целых мечей, мышьяковая бронза
Панцирь ^b	Неолит	Кердюген, Якутия, Россия	Кость, рог
Щит ^c	5 тыс. (?) Неолит (?)	Лангенайхштэdt, Германия	Дерево
Булава ^d	7, 5 тыс. — 8 тыс. Мезолит	Северо-Западная Европа	Навершия, камень
Лук ^e	17,5 тыс. — 18 тыс. Поздний палеолит (мадлен)	Мангейм-Фогельстанг, Германия	Часть плеча с зарубкой для тетивы, дерево (сосна)
Копьеметалка ^f	18 тыс. — 20 тыс. Поздний палеолит (солютре)	Комб Соньер — 1, Франция	Дистальный фрагмент с упором (крюк), рог
Бумеранг ^g	30 тыс. — 31 тыс. Верхний палеолит (граветт)	Пещера Облазова, Польша	Целое орудие, бивень
Копье ^h	> 300 тыс. Нижний палеолит	Шенинген, Германия	Несколько целых копий, дерево (ель, сосна)

^a *Frangipane M., Di Nocera G. M., Hauptmann A. et al.* New symbols of a new power in a “Royal” tomb from 3 000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paléorient*. 2001. Vol. 27, no. 2. P. 105–139.

^b *Алексеев А. Н., Жирков Э. К., Степанов А. Д. и др.* Погребение ымыяхтахского воина в местности Кердюген // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2006. № 2. С. 45–52.

^c *Vencl S.* Stone Age warfare. P. 66.

^d *Drenth E., Niekus M.* Stone mace-heads and picks: a case-study from The Netherlands // *Chronology and Evolution Within the Mesolithic of North-West Europe*. Cambridge, 2009. P. 754–755.

^e *Rosendahl G., Beinbauer K.-W., Löscher M. et al.* Le plus vieil arc du monde? Une pièce intéressante en provenance de Mannheim, Allemagne // *L'Anthropologie*. 2006. T. 110, no. 3. P. 371–382.

^f *Cattelain P.* Propulseurs magdaléniens: marqueurs culturels régionaux? // *Mémoire XXXIX de la Société Préhistorique Française*. 2005. P. 307.

^g *Valde-Nowak P., Nadachowski A., Wolsan M.* Upper Palaeolithic boomerang made of a mammoth tusk in southern Poland // *Nature*. 1987. Vol. 329, no. 6138. P. 436–438.

^h *Thieme H.* Lower Palaeolithic hunting spears from Germany // *Nature*. 1997. Vol. 385, no. 6619. P. 807–810.

Неспециализированное оружие, как и случайное, тоже, наверняка, применялось против себе подобных уже в нижнем палеолите, а также во все последующие эпохи, но как часто это происходило, сказать невозможно. Подавляющее большинство обнаруживаемых при раскопках памятников каменного века наконечников стрел и копий, а также ножей, топоров и иных колющих, режущих и ударных орудий вполне могло использоваться исключительно в мирных целях (рубка деревьев, добывание и разделка дичи, обработка шкур и т. д.).

Что же касается находок таких предметов вооружения, которые явно не могли пригодиться ни в быту, ни на охоте, то самые древние из них относятся к мезоли-

Таблица 3. Бытование основных видов оружия в каменном и бронзовом веках

Эпоха	Неспециализированное				Специализированное			
	Копье	Копьеметалка	Бумеранг	Лук и стрелы	Булава	Праща	Щит	Меч
Бронзовый век	+	+	+	+	+	+	+	+
Энеолит	+	+	+	+	+	+	+	+
Неолит	+	+	+	+	+	+	+	–
Мезолит	+	+	+	+	+	?	–	–
Верхний палеолит	+	+	+	+	–	–	–	–
Средний палеолит	+	–	–	?	–	–	–	–
Нижний палеолит	+	–	–	–	–	–	–	–

Примечание. Здесь и далее плюс означает наличие соответствующих археологических находок, знак вопроса — наличие нуждающихся в проверке косвенных данных, минус — отсутствие находок и косвенных данных.

ту. Это каменные напершия булав. Булавы широко применялись и в последующие эпохи. Главным образом они служили для добывания раненых врагов и умерщвления пленных, а также для совершения человеческих жертвоприношений. Кроме того, они часто играли роль символов высокого воинского и социального статуса их обладателей, о чем свидетельствуют как массовые археологические материалы эпохи раннего металла, так и письменные и иконографические источники периода ранних цивилизаций. Древнейшие известные сейчас находки защитного вооружения — фрагменты деревянных щитов и костяные пластины от доспехов (панцирей, поножей) — датируются неолитом. В позднем энеолите или раннем бронзовом веке появляются металлические мечи (см. табл. 2).

Распространение специализированного оружия означает, что насилие существует уже не в форме единичных инцидентов, всплесков вышедшей из-под контроля агрессии, а стало структурной частью культуры и общественной жизни, ее важной и, к сожалению, неотъемлемой составляющей.

Укрепления. Появление фортификационных сооружений часто рассматривается как главное — наиболее очевидное и легко идентифицируемое — археологическое свидетельство войн. Опоясывающие поселения каменные стены, земляные валы и рвы известны начиная с неолита. Иногда три перечисленных вида укреплений представлены полным набором, иногда встречаются по отдельности. В последнем случае не всегда можно с уверенностью утверждать, что перед нами именно укрепления, а не, скажем, мелиоративные каналы или загоны для скота. Оборонительное назначение рвов, валов и стен может считаться доказанным лишь при наличии у них ряда конструктивных особенностей. Для рвов это V-образный профиль, для стен — наличие бастионов, а также одного или нескольких входов,

устроенных таким образом, чтобы затруднить доступ для неприятеля (так называемые уступчатые, или эшелонированные ворота и т. д.)²⁹.

Особенно широкое распространение оборонительные сооружения получают в конце неолита и в энеолите. В большинстве хорошо изученных регионов Евразии — от Пиренейского полуострова³⁰ до Японских островов³¹ — они и появляются именно в это время. Немногочисленные более ранние памятники, относящиеся к первой половине или середине неолита, известны на Балканах³², а также в Центральной и Северо-Западной Европе³³. Кроме того, наличие фортификаций постулируется для ряда стоянок Западной Сибири, которые первоначально относили к позднему, а теперь относят к раннему неолиту³⁴. На памятниках предшествующих неолиту эпох никаких оборонительных сооружений обнаружено пока не было.

По крайней мере, некоторые из исследованных неолитических городищ (укрепленных поселений), несомненно, подвергались вражеским нападениям. Об этом свидетельствуют, например, сотни наконечников стрел, обнаруживаемых вдоль древних стен (и прежде всего в тех местах, где находились проходы), следы пожаров (сожженные палисады), человеческие скелетные останки со следами нанесенных оружием ран, в беспорядке залегающие во рвах, и т. д. Особенно много таких городищ изучено на юге Англии (Карн Бри, Хэмблдон Хилл, Крикли Хилл, Орсетт и др.)³⁵, где большая их часть датируется серединой или второй половиной 4-го тысячелетия до н. э. (средний неолит Британии). Известны они также в неолите Центральной Европы (Шлетц в Австрии), раннем энеолите Балкан (Стара Загора в Болгарии) и в неолите-энеолите ряда других регионов.

Массовые захоронения убитых. Первые массовые захоронения людей, ставших жертвами вооруженного насилия, появляются на рубеже палеолита и мезолита, а в неолите в некоторых регионах они становятся уже довольно распространенным явлением. Наиболее древние из известных в настоящее время погребений такого рода были исследованы в Северной и Восточной Африке, Западной Азии и некоторых регионах Европы (табл. 4). До недавнего времени на роль древнейшего памятника рассматриваемой категории могла претендовать пещера Машицкая в южной Польше, где наряду с костными останками животных в культурном слое позднего палеолита было обнаружено около 50 фрагментов человеческих черепов минимум от 9 индивидов. Данные фрагменты несут на себе множественные следы различных операций (резание, скобление, скальпирование). На этом основании

²⁹ Keeley L. H., Fontana M., Quick R. Baffles and bastions: The universal features of fortifications // *Journal of Archaeological Research*. 2007. Vol. 15, no. 1. P. 55–95.

³⁰ Jiménez G. A., Sánchez Romero M. The origins of warfare: later prehistory in southeastern Iberia // *Warfare, Violence and Slavery in Prehistory*. Oxford, 2005. P. 184–187.

³¹ Hudson M., Schulting R. J., Gilaizeau L. The Origins of violence and warfare in the Japanese Islands // *The Cambridge History of Violence*. Vol. 1: The Prehistoric and Ancient Worlds. Cambridge, 2020. P. 171–172.

³² Borić D., Hanks B., Šljivar D. et al. Enclosing the Neolithic world: A Vinča culture enclosed and fortified settlement in the Balkans // *Current Anthropology*. 2018. Vol. 59, no. 3. P. 336–346.

³³ Parkinson W. A., Duffy P. R. Fortifications and enclosures in European prehistory: a cross-cultural perspective // *Journal of Archaeological Research*. 2007. Vol. 15, no. 1. P. 97–141.

³⁴ Борзунов В. А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // *Российская археология*. 2013. № 4. С. 23–25.

³⁵ Mercer R. J. The origins of warfare on the British isles. P. 143–156.

Таблица 4. Древнейшие массовые захоронения жертв вооруженного насилия

Памятник, регион	Эпоха	Дата (тыс. лет назад)	Число изученных костяков	Число костяков с признаками насильственной смерти
Джебел Сахаба (Сев. Африка) ^a	Финальный палеолит	12–14	59	24
Нагарук (Вост. Африка) ^b	Мезолит	10–12	12	10
Офнет (Центр. Европа) ^c	Мезолит	9	34	6–8
Домузтепе ^d (Зап. Азия)	Неолит	7,8–7,5	31	26
Эльс Трокс ^e (Зап. Европа)	Неолит	7,3	9	9
Шенек-Килианштэдтен (Центр. Европа) ^f	Неолит	7,2–6,9	26	26
Тальхайм (Центр. Европа) ^g	Неолит	7,2–6,8	34	18
Хальберштадт (Центр. Европа) ^h	Неолит	7,2–7	9	9
Шлетц-Аспарн (Центр. Европа) ⁱ	Неолит	7	67	67
Ахенхайм (Зап. Европа) ^j	Неолит	6,4–6,2	6	6
Поточаны (Балканы) ^k	Энеолит	6,2	41	13

^a *Wendorf F.* Site 117: A Nubian Final Paleolithic graveyard near Jebel Sahaba, Sudan // *The Prehistory of Nubia*. Dallas, 1968.

^b *Lahr M., Rivera F., Power R. K. et al.* Inter-group violence among early Holocene hunter-gatherers of West Turkana, Kenya // *Nature*. 2016. Vol. 529, no. 7586. P. 394–398.

^c *Orschiedt J.* The head burials from Ofnet cave: an example of warlike conflict in the Mesolithic // *Warfare, Violence and Slavery in Prehistory*. Oxford, 2005.

^d *Gauld S. C., Oliver J. S., Kansa S. W., Carter E.* On the tail end of variation in Late Neolithic burial practices.

^e *Alt K. W., Tejedor Rodríguez K., Nicklisch N. et al.* A massacre of early Neolithic farmers in the high Pyrenees at Els Trocs, Spain // *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10, no. 2131.

^f *Meyer C., Lohr C., Gronenborn D., Alt K. W.* The massacre mass grave of Schöneck-Kilianstädten reveals new insights into collective violence in Early Neolithic Central Europe // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. Vol. 112, no. 36. P. 11217–11222.

^g *Wild E. M., Stadler P., Häußler A. et al.* Neolithic massacres, local skirmishes or general warfare in Europe? // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46, no. 1. P. 377–85.

^h *Meyer C., Knipper C., Nicklisch N. et al.* Early Neolithic executions indicated by clustered cranial trauma in the mass grave of Halberstadt // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9, no. 2472.

ⁱ *Teschler-Nicola M., Gerold F., Bujatti-Narbeshuber M. et al.* Evidence of genocide 7000 BP — Neolithic paradigm and Geo-climatic reality // *Collegium Antropologicum*. 1999. Vol. 23, no. 2. P. 437–450.

^j *Chenal F., Lefranc Ph.* Violence préhistorique à Achenheim (Alsace) // *Archéologia*. 2017. Vol. 550. P. 12–13.

^k *Janković I., Balen J., Ahern J. C. M. et al.* Prehistoric massacre revealed. Perimortem cranial trauma from Potočani, Croatia // *Anthropologischer Anzeiger*. 2017. Vol. 74, no. 2. P. 131–141; *Novak M., Olalde I., Ringbauer H. et al.* Genome-wide analysis of nearly all the victims of a 6200 year old massacre // *PLoS ONE*. 2021. 16(3): e0247332.

считалось, что обитатели пещеры были уничтожены врагами³⁶. Однако после нового исследования материалов из Машицкой пещеры их интерпретация была коренным образом пересмотрена. Несмотря на то, что присутствие следов человеческого воздействия на отдельных костях подтверждено, было также показано, что почти все идентифицированные следы, за единственным возможным исключением, являются постмортальными повреждениями³⁷.

Как видно из табл. 4, наиболее древним из ныне известных массовых захоронений жертв вооруженного насилия является изученный еще в середине прошлого века могильник в Джебел Сахаба в Судане. Его можно считать палеолитическим. Относительно немного — около 2 тыс. лет — уступает ему по возрасту местонахождение Натарук в Кении, найденное в 2012 г. Все остальные памятники рассматриваемой категории имеют возраст менее 10 тыс. лет, относятся в основном к неолиту (единственное исключение — мезолитическое погребение в гроте Офнет в Германии) и находятся не в Африке, а в Европе и Западной Азии.

Далеко не все человеческие останки жертв вооруженного насилия, обнаруживаемые в массовых захоронениях, принадлежат воинам, встретившим смерть на поле боя с оружием в руках. Это, пожалуй, скорее исключение, чем правило. По большей же части в таких захоронениях представлены костяки людей, погибших в результате расправы победителей над захваченными врасплох или обезоруженными побежденными, среди которых большинство порой составляют женщины и дети. В частности, подобная картина выявлена на нескольких поселениях культуры линейно-ленточной керамики, таких как Шлетц в Австрии и Тальхайм в Германии, а также на поселении Домузтепе в юго-восточной Турции, о котором следует сказать особо.

В Домузтепе в могиле F148 выявлены останки как минимум 35 человек, перемешанные с костями домашних животных, включая собак. В данном случае и характер залегания костяков, и катастрофический возрастной профиль погибших указывают на факт одновременной гибели целого сообщества. На 26 черепках из 31, а также на черепках собак зафиксированы следы сильных ударов тупыми предметами, совершенные, как предполагается, в ходе жертвоприношения. Кроме того, на многих черепках имеются признаки термической обработки и следы человеческих зубов, однозначно свидетельствующие о каннибализме³⁸.

Погребения воинов. Мужские захоронения с богатым погребальным инвентарем, включающим предметы, которые теоретически могли использоваться и как боевое оружие (каменные и костяные наконечники, ножи, кинжаловидные орудия), встречаются начиная с верхнего палеолита. В мезолите таких захоронений становится больше, а их сопроводительный инвентарь делается разнообразней. Иногда вещи, положенные в могилы, и другие реконструируемые элементы похоронного обряда позволяют предполагать особый социальный статус погребенных,

³⁶ Kosłowski S.K., Sachse-Kosłowska E. Maszycka Cave: a Magdalenian site in Southern Poland // *Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. 1993. Bd. 40. S. 170.

³⁷ Orschiedt J., Schüler T., Poltowicz-Bobak M. et al. Human remains from Maszycka Cave (województwo małopolskie / PL): the treatment of human bodies in the Magdalenian // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2017. Bd. 47, Nr. 4. S. 423–439.

³⁸ Gauld S.C., Oliver J.S., Kansa S.W., Carter E. On the tail end of variation in Late Neolithic burial practices: Halaf feasting and cannibalism at Domuztepe, Southeastern Anatolia // *Bioarchaeology and Behavior. The People of the Ancient Near East*. Gainesville, 2012.

но ни в одном из известных случаев нет оснований считать, что при жизни главным делом этих людей была война и что окружающие воспринимали их прежде всего именно как воинов.

Основным отличительным признаком настоящих могил воинов является наличие в составе погребального инвентаря специализированного оружия (щиты, щитки для запястий, кинжалы, позже мечи) и некоторых других предметов, специфических для разных культур и связанных в восприятии их носителей с занятием и статусом покойного (это могли быть, например, чаши или кубки особой формы, те или иные виды украшений и т. д.). Погребения, обладающие такими чертами, впервые становятся известны в памятниках конца неолита и в энеолитических, около 5 тыс. лет назад. Они широко распространены географически и известны от Западной Европы³⁹ до Восточной Сибири⁴⁰. Наиболее значительные из них связаны с культурой шнуровой керамики и культурой колоколовидных кубков.

Появление самых ранних изображений воинов на каменных стелах⁴¹ примерно совпадает по времени с древнейшими могилами, в которых погребальный инвентарь содержит воинскую атрибутику. Такое совпадение, конечно, не случайно. Оно является следствием формирования в общественном сознании образа воина и связанной с ним идеологии. «Образ сражающегося мужчины был укоренен в обществе еще до того, как война появилась в своем настоящем виде, со всеми ее разрушительными последствиями. С палеолитических времен он ассоциировался с фигурой охотника. Начиная же с третьего тысячелетия до н. э. начинается формирование образа воина в собственном смысле этого слова»⁴².

Обсуждение

Вооруженное насилие многообразно, война — лишь одна из его форм. Как уже было сказано, археологические материалы очень редко, лишь в исключительных случаях, позволяют более или менее уверенно констатировать, что тот или иной реконструированный на их основе случай применения людьми оружия против других людей отвечает критериям, позволяющим определить его как войну. Тем не менее, представленный здесь обзор сведений о распределении во времени основных «ископаемых» индикаторов вооруженного насилия ясно показывает существование определенной тенденции. Эти сведения суммированы в обобщенном виде в табл. 5. Из нее видно, что в период древнее 15 тыс. лет назад в археологической «летописи» представлен лишь один из рассмотренных индикаторов, в период от 15 до 8 тыс. лет назад — два или три, то есть треть или половина, и лишь в неолите, после 8 тыс. лет назад, они наконец появляются в полном составе.

Тенденция очевидна, однако, прежде чем переходить к выводам, следует сделать ряд оговорок, продиктованных ограниченностью «разрешающей способности» большинства доступных видов источников. Наличие всех индикаторов войны

³⁹ *Guilaine J., Zammit J. The Origins of War. Violence in Prehistory. Malden, 2005.*

⁴⁰ *Алексеев А. Н., Жирков Э. К., Степанов А. Д. и др. Погребение ымыяхтахского воина в местности Кердюген. С. 45–52.*

⁴¹ *Schulting R. J. War without warriors?: The nature of interpersonal conflict before the emergence of formalized warrior elites // The Archaeology of Violence: Interdisciplinary Approaches. Buffalo, 2013. P. 26.*

⁴² *Guilaine J., Zammit J. The Origins of War. P. 194.*

Таблица 5. Наиболее важные материальные свидетельства проявлений вооруженного насилия в каменном веке

Период	Скелетные останки людей со следами травм, нанесенных оружием	Изображения вооруженных конфликтов	Предметы, относящиеся к комплексу вооружения (наступательного и защитного)	Сооружения, имеющие фортификационное назначение	Погребальные памятники, обладающие признаками массовых захоронений жертв вооруженных конфликтов	Могилы воинов
Ранее 15 тыс. лет назад (палеолит)	+	-	-	-	-	-
15 тыс. — 8 тыс. лет назад (финальный палеолит, переход от палеолита к мезолиту и мезолит)	+	-	+	-	+	-
8 тыс. — 5 тыс. лет назад (неолит и энеолит)	+	+	+	+	+	+

в неолите несомненно, но тот факт, что большинство из них не удается обнаружить в предшествующие эпохи, можно при желании объяснять по-разному. Отсутствие свидетельств не является свидетельством отсутствия, а может быть лишь следствием природы этих свидетельств.

Из того обстоятельства, что в искусстве палеолита и мезолита пока не удалось обнаружить неоспоримые изображения вооруженных конфликтов и их жертв (раненых, убитых, казнимых), никоим образом не следует, что сами эти явления в соответствующий период времени, составляющий 99 % протяженности всей человеческой истории, тоже отсутствовали. В иконографии палеолита нет и многого другого, несомненно, существовавшего в реальности, например сцен охоты (за исключением отдельных изображений раненых животных), которая была для людей этой эпохи одним из основных способов жизнеобеспечения. Что касается отсутствия находок специализированного оружия, то теоретически не исключено, что и в палеолите уже изготавливались и использовались, скажем, деревянные мечи и деревянные или кожаные щиты, подобные тем, которые были зафиксированы у аборигенов Австралии, но сохраниться они могли лишь в исключительных случаях и потому пока не обнаружены. То же относится и к оборонительным сооружениям. Несмотря на отсутствие их следов в донеолитических культурах, теоретически нельзя исключить, что обитатели каких-то относительно многочисленных мезолитических или даже позднепалеолитических стоянок могли в отдельных случаях их ограждать, например, устраивая простые палисады из кольев, подобные тем, что сооружали жители Амазонии, Новой Гвинеи и некоторых других регионов, практиковавшие охоту, собирательство и (или) примитивное земледелие.

Отсутствие находок человеческих костей с внедренными в них наконечниками и обломками острий ранее 15 тыс. лет назад может быть в той или иной мере связано с довольно поздним появлением лука и стрел в большинстве регионов, а резкое увеличение числа таких находок в неолите при желании легко объяснить увеличением общего количества людских скелетных останков, найденных на неолитических памятниках (оно многократно превышает число находок, обнаруженных на памятниках предыдущих эпох). Последние два предположения, касающиеся частоты находок наконечников, внедренных в скелетные останки людей, можно подвергнуть простой проверке, то есть выяснить соотношение числа найденных человеческих костей с внедренными фрагментами острий с числом костей животных, имеющих те же следы поражения оружием, и оценить изменение этого параметра во времени.

Полные данные по костям животных можно найти в недавно опубликованных сводках⁴³. Эти данные суммированы в табл. 6 с учетом ряда новых находок, сделанных в последние годы. Как видно из таблицы, для периода древнее 15 тыс. лет назад сейчас известно 13 костей с вонзившимися в них наконечниками. Эти кости принадлежали 13 разным особям (пяти мамонтам, двум лошадям, бурому медведю, зубру и др.), которые обитали в Европе, Африке, Западной Азии и Сибири. Кости этих животных были обнаружены не только на верхнепалеолитических, но и среднепалеолитических памятниках. Находок человеческих костей с засевшими в них фрагментами оружия для этого времени пока нет совсем (см. табл. 2). Таким образом, от первого из двух рассматриваемых предположений приходится отказаться. Даже если лук и стрелы действительно еще не появились тогда в большинстве регионов, причиной отсутствия наконечников в человеческих костях наверняка является не это, а что-то другое.

Второе предположение, в отличие от первого, фактам не противоречит, но оно объясняет наблюдаемую тенденцию лишь частично. При сравнении данных, представленных в табл. 2 и 6, обращают на себя внимание резкие изменения в соотношении количества костяков животных и людей с вонзившимися в них наконечниками (см. рис.). В среднем и верхнем палеолите есть только первые, в финальном палеолите и мезолите количество первых и вторых внезапно сравнивается (30 и 31 соответственно), а в неолите человеческих скелетов уже на порядок больше.

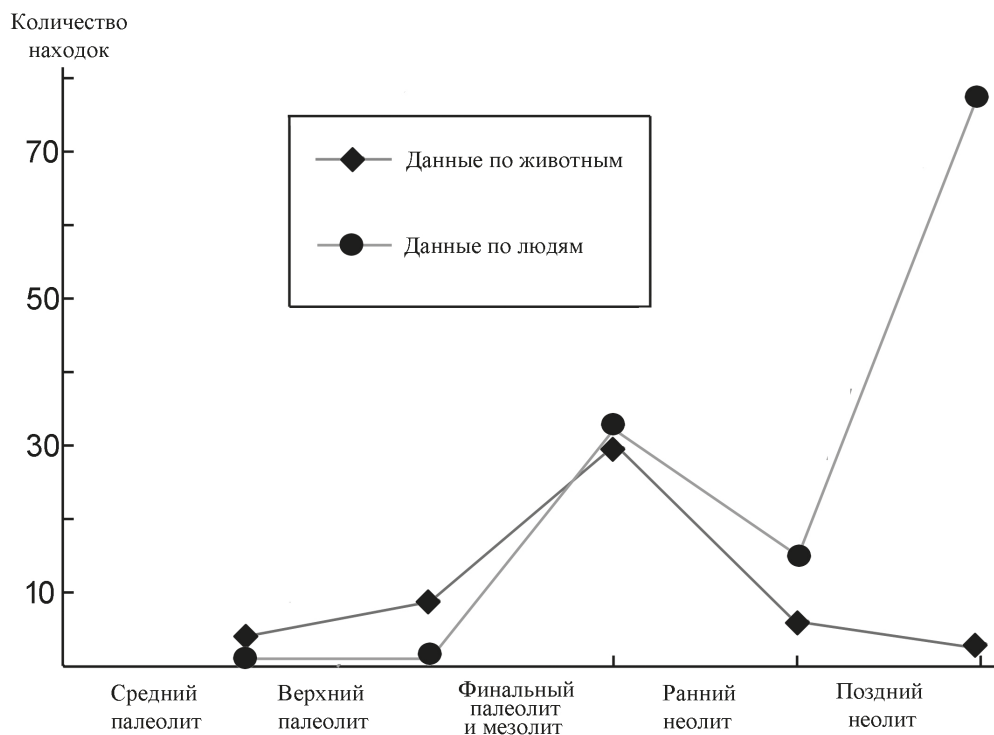
Статистика находок показывает, что на завершающем этапе палеолита люди неожиданно начали практиковать охоту на себе подобных столь же часто, как на животных, а в неолите стали делать это в десять раз чаще. Главной причиной столь значительных изменений было, несомненно, учащение и ужесточение вооруженных конфликтов. С этим же обстоятельством, по-видимому, следует в первую очередь связывать и особенности распределения на хронологической шкале всех остальных ископаемых индикаторов вооруженного насилия, рассмотренных в этой статье.

⁴³ Вишняцкий Л. Б. Вооруженное насилие в палеолите. Табл. 2; Pöllath N., Dietrich O., Notroff J. *et al.* Almost a chest hit: An aurochs humerus with hunting lesion from Göbekli Tepe, southeastern Turkey, and its implications // *Quaternary International*. 2018. Vol. 495. P. 44–46, Appendix.

Таблица 6. Количество костяков животных каменного века с застрявшими в них фрагментами оружия

Период	Европа	Африка к югу от Сахары	Западная Азия	Северная Азия (Сибирь)	Итого
Средний палеолит	1	2	1	0	4
Верхний палеолит, ранее 15 тыс. лет назад	7	0	0	2	9
Финальный палеолит, 15–12 тыс. лет назад	8	0	0	3	11
Мезолит, 12–9/8 тыс. лет назад	19	0	0	0	19
Неолит и энеолит, 9/8–5 тыс. лет назад	4	0	4	0	8
Всего	39	2	5	5	51

Примечание. В ряде случаев в костях одного животного было зафиксировано по два и более (в одном случае свыше 20) вонзившихся наконечников и их фрагментов. В таблице показано количество скелетов, а не отдельных костей. Составлено по: Вишняцкий Л. Б. Вооруженное насилие в палеолите. Табл. 2; Pöllath N., Dietrich O., Notroff J. et al. Almost a chest hit. P. 44–46, Appendix.

Соотношение количества находок костяков людей и животных с вонзившимися в них наконечниками в палеолите, мезолите и неолите (рис. Л. Б. Вишняцкого)

Заключение

Данные, накопленные к настоящему времени, позволяют видеть в исторической динамике вооруженного насилия в дописьменную эпоху два важных переломных момента. Первый из них соответствует рубежу палеолита и мезолита, а второй и главный характеризует рубеж каменного века и эпохи раннего металла. Именно тогда *Homo bellicosus* (человек воинственный) впервые выходит на историческую арену не как случайное и второстепенное действующее лицо, а в одной из главных ролей. Изменения и новшества, наблюдаемые в самых разных сферах деятельности человека начиная с финальных стадий неолита и связанные с материальным и идеологическим обслуживанием вооруженного насилия и войны, позволяют говорить о *милитаризации культуры*. Этот процесс, вероятно, стал одной из важнейших предпосылок, а затем и следствием институционализации власти и формирования ранних государственных образований.

References

- Alekseev A. N., Zhirkov E. K., Stepanov A. D., Sharaborin A. K., Alekseeva L. L. Pogrebenie ymyiakhtakhsogo voina в местности Kerdiugen. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2006, no. 2, pp. 45–52. (In Russian)
- Alt K. W., Tejedor Rodríguez K., Nicklisch N., Roth D., Szécsényi Nagy A., Knipper C., Lindauer S., Held P., García Martínez de Lagrán I., Schulz G., Schuerch T., Thieringer F., Brantner Ph., Brandt G., Israel N., Arcusa Magallón H., Meyer Ch., Mende B. G., Enzmann F., Dresely V., Ramsthaler F., Royo Guillén J. I., Scheurer E., López Montalvo E., Garrido Pena R., Pichler S. L., Rojo Guerra M. A. A massacre of early Neolithic farmers in the high Pyrenees at Els Trocs, Spain. *Scientific Reports*, 2020, vol. 10, no. 2131, pp. 1–10.
- Anikovitch M. V., Timofeev V. I. Vooruzhenie i vooruzhennyye konflikty v kamennom veke. *Voenmaia arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective*. St. Petersburg, 1998, pp. 16–20. (In Russian)
- Bahn P. G., Vertut J. *Images of the Ice Age*. New York, Facts on File, 1988, 240 p.
- Borić D., Hanks B., Šljivar D., Kočić M., Bulatović J., Griffiths S., Doonan R., Jacanović D. Enclosing the Neolithic world: A Vinča culture enclosed and fortified settlement in the Balkans. *Current Anthropology*, 2018, vol. 59, no. 3, pp. 336–346.
- Borzunov V. A. Neoliticheskie ukreplennyye poseleniya Zapadnoi Sibiri a Zaural'ia. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2013, no. 4, pp. 20–34. (In Russian).
- Brennan M. U. *Health and disease in the Middle and Upper Paleolithic of Southwestern France: A bioarcheological study*. Unpublished Ph. D. dissertation. New York University, 1991.
- Buzhilova A. P. The environment and health condition of the Upper Palaeolithic Sunghir people of Russia. *Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science*, 2005, vol. 24, no. 4, pp. 413–418.
- Cappella A., Amadasi A., Castoldi E., Mazzarelli D., Gaudio D., Cattaneo Ch. The difficult task of assessing perimortem and postmortem fractures on the skeleton: A blind text on 210 fractures of known origin. *Journal of Forensic Sciences*, 2014, vol. 59, no. 6, pp. 1598–1601.
- Cattelain P. Propulseurs magdaléniens: marqueurs culturels régionaux? *Mémoire XXXIX de la Société Pré-historique Française*, 2005, pp. 301–317.
- Chenal F., Lefranc Ph. Violence préhistorique à Achenheim (Alsace). *Archéologia*, 2017, vol. 550, pp. 12–13.
- Churchill S. E., Franciscus R. G., McKean-Peraza H. A., Daniel J. A., Warren B. R. Shanidar 3 Neandertal rib puncture wound and Paleolithic weaponry. *Journal of Human Evolution*, 2009, vol. 57, no. 2, pp. 163–178.
- Clottes J., Courtin J. *La Grotte Cosquer*. Paris, Éditions du Seuil, 1994, 197 p.
- Drenth E., Niekus M. Stone mace-heads and picks: a case-study from The Netherlands. *Chronology and Evolution Within the Mesolithic of North-West Europe*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2009, pp. 747–766.

- Estabrook W. H., Frayer D. W. Trauma in the Krapina Neandertals: Violence in the Middle Paleolithic? *The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict*. London, New York, Routledge, 2013, pp. 67–89.
- Fernández-Jalvo Y., Andrews P. Spy cave (Belgium) Neanderthals (36,000y BP). Taphonomy and peri-mortem traumas of Spy I and Spy II: Murder or accident. *Quaternary Science Reviews*, 2019, vol. 217, pp. 119–129.
- Frangipane M., Di Nocera G. M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T. New symbols of a new power in a “Royal” tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey). *Paléorient*, 2001, vol. 27, no. 2, pp. 105–139.
- Gauld S. C., Oliver J. S., Kansa S. W., Carter E. On the tail end of variation in Late Neolithic burial practices: Halaf feasting and cannibalism at Domuztepe, Southeastern Anatolia. *Bioarchaeology and Behavior. The People of the Ancient Near East*. Gainesville, University Press of Florida, 2012, pp. 8–34.
- Guilaine J., Zammitt J. *Le sentiment de la guerre. Visages de la violence préhistorique*. Paris, Le Seuil, 2001, 378 p.
- Guilaine J., Zammitt J. *The origins of war. Violence in Prehistory*. Malden, Blackwell, 2005, 282 p.
- Guthrie R. D. *The nature of Paleolithic art*. Chicago, The University of Chicago Press, 2005, 507 p.
- Henry-Gambier D. Comportement de populations d'Europe au Gravettien: pratiques funéraires et interprétations. *PALEO*, 2008, t. 20, pp. 165–204.
- Hudson M., Schulting R. J., Gilaizeau L. The Origins of violence and warfare in the Japanese Islands. *The Cambridge History of Violence. Vol. 1. The Prehistoric and Ancient Worlds*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020, pp. 160–177.
- Isaak B. Throwing and human evolution. *The African Archaeological Review*, 1987, vol. 5, no. 1, pp. 3–17.
- Janković I., Balen J., Ahern J. C. M., Premužić Z., Čavka M., Potrebica H., Novak M. Prehistoric massacre revealed. Perimortem cranial trauma from Potočani, Croatia. *Anthropologischer Anzeiger*, 2017, vol. 74, no. 2, pp. 131–141.
- Jones T., Levchenko V., King P. L., Troitzsch U., Wesley D., Williams A., Nayingull A. Radiocarbon age constraints for a Pleistocene-Holocene transition rock art style: The Northern Running Figures of the East Alligator River region, western Arnhem Land, Australia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 80–89.
- Keeley L. H. *War before civilization*. New York & Oxford, Oxford University Press, 1996, 245 p.
- Keeley L. H., Fontana M., Quick R. Baffles and bastions: The universal features of fortifications. *Journal of Archaeological Research*, 2007, vol. 15, no. 1, pp. 55–95.
- Kranioti E. F., Grigorescu D., Harvati K. State of the art forensic techniques reveal evidence of interpersonal violence ca. 30,000 years ago. *PLoS ONE*, 2019, vol. 14 (7): e0216718.
- Kosłowski S. K., Sachse-Kosłowska E. Maszycka Cave: a Magdalenian site in Southern Poland. *Jahrbuch der Römisch-Deutschen Zentralmuseums*, 1993, Bd. 40, Ss. 115–205.
- L'Abbé E. N., Symes S. A., Pokines J. T., Cabo L. L., Stull K. E., Kuo S., Raymond D. E., Randolph-Quinney P. S., Berger L. R. Evidence of fatal skeletal injuries on Malapa Hominins 1 and 2. *Scientific Reports*, 2015, vol. 5, no. 15120, pp. 1–11.
- Lahr M., Rivera F., Power R. K., Mounier A., Copsey B., Crivellaro F., Edung J. E., Maillo Fernandez J. M., Kiarie C., Lawrence J., Leakey A., Mbua E., Miller H., Muigai A., Mukhongo D. M., Van Baelen A., Wood R., Schwenninger J.-L., Grün R., Achyuthan H., Wilshaw A., Foley R. A. Inter-group violence among early Holocene hunter-gatherers of West Turkana, Kenya. *Nature*, 2016, vol. 529, no. 7586, pp. 394–398.
- LeBlanc S. A. *Constant battles: The myth of the peaceful, noble savage*. New York, St. Martin's Press, 2003, 256 p.
- Leroi-Gourhan A. *The art of prehistoric man: in Western Europe*. London, Thames & Hudson, 1968, 543 p.
- López-Montalvo E. Violence et mort dans l'art rupestre du Levant: groupes humains et territoire. *L'armement et l'image du guerrier dans les sociétés anciennes: de l'objet à la tombe*. Dijon, Éditions universitaires de Dijon, 2011, pp. 19–42.
- Mercer R. J. The origins of warfare on the British isles. *Ancient War*. Phoenix Mill, Sutton Publishing, 1999, pp. 143–156.
- Meyer C., Lohr C., Gronenborn D., Alt K. W. The massacre mass grave of Schöneck-Kilianstädten reveals new insights into collective violence in Early Neolithic Central Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2015, vol. 112, no. 36, pp. 11217–11222.

- Meyer C., Knipper C., Nicklisch N., Münster A., Kürbis O., Dresely V., Meller H., Alt K. W. Early Neolithic executions indicated by clustered cranial trauma in the mass grave of Halberstadt. *Nature Communications*, 2018, vol. 9, no. 2472, pp. 1–11.
- Novak M., Olalde I., Ringbauer H., Rohland N., Ahern J., Balen J., Janković I., Potrebica H., Pinhasi R., Reich D. Genome-wide analysis of nearly all the victims of a 6200 year old massacre. *PLoS ONE*, 2021, vol. 16 (3): e0247332.
- Orschiedt J. The head burials from Ofnet cave: an example of warlike conflict in the Mesolithic. *Warfare, violence and slavery in prehistory*, eds M. P. Pearson, I. J. N. Thorpe. Oxford, Archaeopress, 2005, pp. 67–73.
- Orschiedt J., Schüller T., Połtowicz-Bobak M., Bobak D., Kozłowski S. K., Terberger Th. Human remains from Maszycka Cave (woj. małopolskie / PL): the treatment of human bodies in the Magdalenian. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 2017, Bd. 47, Nr. 4, Ss. 423–439.
- Parkinson W. A., Duffy P. R. Fortifications and enclosures in European prehistory: a cross-cultural perspective. *Journal of Archaeological Research*, 2007, vol. 15, no. 1, pp. 97–141.
- Peredol'skii V. V. Po reke Eniseiu i ego pritokam. *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1896, vol. 32, pp. 210–214. (In Russian)
- Pöllath N., Dietrich O., Notroff J., Clare L., Dietrich L., Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K., Peters J. Almost a chest hit: An aurochs humerus with hunting lesion from Göbekli Tepe, southeastern Turkey, and its implications. *Quaternary International*, 2018, vol. 495, pp. 30–48.
- Risch R., Meller H. The representation of violence in the rock art of the Sahara and the Spanish Levant. *European archaeology — identities & migrations. Hommages à Jean-Paul Demoule*. Leiden, Sidestone Press, 2017, pp. 371–385.
- Rosendahl G., Beinbauer K.-W., Löscher M., Kreipl K., Walter R., Rosendahl W. Le plus vieil arc du monde? Une pièce intéressante en provenance de Mannheim, Allemagne. *L'Anthropologie*, 2006, t. 110, no. 3, pp. 371–382.
- Sala N., Arsuaga J. L., Pantoja-Pérez A., Pablos A., Martínez I., Quam R. M., Gómez-Olivencia A., Bermúdez de Castro J. M., Carbonell E. Lethal interpersonal violence in the Middle Pleistocene. *PLoS ONE*, 2015, vol. 10 (5): e0126589.
- Schulting R. J. War without warriors? The nature of interpersonal conflict before the emergence of formalized warrior elites. *The archaeology of violence: interdisciplinary approaches*. Buffalo, State University of New York Press, 2013, pp. 19–36.
- Shang H., Trinkaus E. An ectocranial lesion on the Middle Pleistocene human cranium from Hulu Cave, Nanjing, China. *American Journal of Physical Anthropology*, 2008, vol. 135, no. 4, pp. 431–437.
- Shnirel'man V. A. *Voina i mir v rannei istorii chelovechestva. T. 1. U istokov voiny i mira*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN, 1994, 176 p. (In Russian)
- Smith M. *Mortal wounds. The human skeleton as evidence for conflict in the past*. Barnsley, Pen and Sword Military, 2017, 290 p.
- Tabarev A. V. “Temnaia storona” neolitizatsii: svidetel'stva nasiliia v pogrebal'nykh kompleksakh Sibiri i Dal'nego Vostoka. *Borodovskii A. P., Zubova A. V., Pozdniakov D. V., Tabarev A. V., Cheremisin D. V. Arkheologiia nasiliia (interpretatsiia materialov arkheologicheskikh, antropologicheskikh i izobrazitel'nykh kompleksov)*. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet Press, 2010, pp. 7–25. (In Russian)
- Taçon P., Chippindale C. Australia's ancient warriors: changing depictions of fighting in the rock art of Arnhem Land, N. T. *Cambridge Archaeological Journal*, 1994, vol. 4, no. 2, pp. 211–248.
- Teschler-Nicola M., Gerold F., Bujatti-Narbeshuber M., Prohaska T., Latkoczy C., Stinger G., Watkins M. Evidence of genocide 7000 BP — Neolithic paradigm and Geo-climatic reality. *Collegium Antropologicum*, 1999, vol. 23, no. 2, pp. 437–450.
- Thieme H. Lower Palaeolithic hunting spears from Germany. *Nature*, 1997, vol. 385, no. 6619, pp. 807–810.
- Trinkaus E., Buzhilova A. P. The death and burial of Sungir 1. *International Journal of Osteoarchaeology*, 2012, vol. 22, no. 6, pp. 655–666.
- Vencl S. *Stone Age warfare. Ancient War*. Phoenix Mill, Sutton Publishing, 1999, pp. 57–71.
- Valde-Nowak P., Nadachowski A., Wolsan M. Upper Palaeolithic boomerang made of a mammoth tusk in southern Poland. *Nature*, 1987, vol. 329, no. 6138, pp. 436–438.

- Vishnyatsky L. B. Vooruzhennoe nasilie v paleolite. *Stratum Plus*, 2014, no. 1, pp.311–332. (In Russian)
- Vishnyatsky L. B. Voina do istorii. *Chelovek*, 2016, no. 6, pp. 59–74. (In Russian)
- Vishnyatsky L. B. Nakonechniki v kostiakh. Baza dannykh dlia pozdnego kamennogo veka zapadnoi Evrazii. *Zapiski IIMK RAN*, 2018, no. 19, pp.36–55. (In Russian)
- Walker P.L. A bioarchaeological perspective on the history of violence. *Annual Review of Anthropology*, 2001, vol. 30, pp. 573–596.
- Wendorf F. Site 117: A Nubian Final Paleolithic graveyard near Jebel Sahaba, Sudan. *The Prehistory of Nubia*. Dallas, Southern Methodist University Press, 1968, pp.954–995.
- Wild E. M., Stadler P., Häußler A., Kutschera W., Steier P., Teschler-Nicola M., Wahl J., Windl H. J. Neolithic massacres, local skirmishes or general warfare in Europe? *Radiocarbon*, 2004, vol. 46, no. 1, pp.377–385.
- Wu X.-J., Schepartz L. A., Liu W., Trinkaus E. Antemortem trauma and survival in the late Middle Pleistocene human cranium from E. Maba, South China. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2011, vol. 108, no. 49, pp. 19558–19662.
- Zollikofer C. P. E., Ponce De Leon M. S., Vandermeersch B., Lévêque F. Evidence for interpersonal violence in the St. Cesaire Neanderthal. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2002, vol. 99, no. 9, pp.6444–6448.

Статья поступила в редакцию 9 ноября 2020 г.

Рекомендована в печать 25 мая 2021 г.

Received: November 9, 2020

Accepted: May 25, 2021